

УДК [930.253:94](477)"1936/1945"

С. І. ВЛАСЕНКО*

**ЛИСТИ ОЛЕКСАНДРА ШУМСЬКОГО ІЗ ЗАСЛАННЯ
(із фондів ЦДАГО України)**

Подаються листи відомого українського радянського політичного діяча, народного комісара освіти УСРР, колишнього “боротьбиста” Олександра Яковича Шумського, написані ним у засланні протягом 1936–1945 рр. Їх оригінали та копії зберігаються у фондах ЦДАГО України і більшість із них публікуються вперше.

Ключові слова: О. Шумський; листи; нарком освіти; репресований; заслання; оригінали.

У грудні 2010 р. виповнилося 120 років від дня народження, а у вересні 2011 р. спливає 65-та річниця від дня смерті відомого українського радянського і партійного діяча, члена Центрального комітету та Оргбюро ЦК КП(б)У, народного комісара освіти УСРР Олександра Яковича Шумського.

Народився О. Я. Шумський 2 грудня 1890 р. в с. Борова Рудня (нині Нова Борова) на Житомирщині в селянській родині. До початку революційних подій 1917 р. він вступив до Української партії соціалістів-революціонерів (УПСР), навчався у Московському ветеринарному інституті, побував на Південно-Західному фронті Першої світової війни. У квітні 1917 р. О. Шумський як делегат фронтових з'їздів прибув до Києва, де працював у Київській губернській земельній управі, був делегатом від УПСР у Центральній Раді. У 1918 р. він став одним із лідерів Української комуністичної партії (боротьбистів), яка сформувалася з представників лівого крила УПСР.

Ведучи активну партійну діяльність, О. Шумський також брав участь у боротьбі спочатку проти гетьманських військ, а потім і військ Директорії УНР на Житомирщині та Київщині. У 1919 р. він був обраний членом колегії Народного комісаріату освіти УСРР, працював

* *Власенко Світлана Іванівна* – кандидат історичних наук, начальник відділу використання інформації документів Центрального державного архіву громадських об'єднань України.

наркомом освіти в уряді Х. Раковського, входив до військової ради 12-ї армії Південно-Західного фронту. У липні 1920 р. О. Шумський стає головою Одеського, а з вересня 1920 р. – Київського революційних комітетів. У 1921 р. він входив до складу радянської делегації в Ризі при підписанні мирної угоди з Польщею. А з квітня 1921 р. по лютий 1923 р. О. Шумський працював повноважним представником УСРР у Польщі.

У 1920 р. Олександр Шумський став одним із ініціаторів самоліквідації партії боротьбистів та вступу її членів до КП(б)У. І хоча він та його однодумці перейшли на позиції партії більшовиків, все ж вони продовжували сповідувати ідеї національного комунізму. Так, О. Шумський належав до групи, яка в період становлення партії українських комуністів стояла на її самостійницьких позиціях у відносинах з Російською компартією.

У 1924 р. О. Шумський на короткий термін переходить на роботу в партійний апарат – працює завідувачем агітаційно-пропагандистського відділу ЦК КП(б)У, входить до складу Секретаріату ЦК КП(б)У; у вересні 1924 р. його призначають на посаду народного комісара освіти УСРР.

На час перебування О. Шумського на посаді наркома освіти (1924–1927 рр.) припадає впровадження політики “українізації”. Проте занадто дієвий нарком освіти, який стояв на позиціях становлення української влади, що б діяла в інтересах українського народу, дбала б про відновлення та розвиток його культури, мови, традицій, почав заважати Й. Сталіну та його представникові в Україні – генеральному секретареві ЦК КП(б)У Л. Кагановичу*. Фатальну роль зіграла розмова О. Шумського зі Й. Сталіним у жовтні 1925 р., в якій він поставив питання про відкликання Л. Кагановича з посади генерального секретаря ЦК КП(б)У та заміну його українцем В. Чубарем**. 26 квітня 1926 р. у листі до Л. Кагановича та членів Політбюро ЦК КП(б)У Й. Сталін з приводу цієї розмови зазначив, що “тов. Шумський не бачить, що при слабкості корінних комуністичних кадрів в Україні цей рух, очолюваний скрізь некомуністичною інтелігенцією, може набути місцями характеру боротьби за відчуженість української культури і громадськості від культури і громадськості загальносоюзної, характеру боротьби проти “Москви” загалом, проти росіян загалом, проти російської культу-

* Каганович Лазар Мойсеевич (1893–1991) на посаді генерального секретаря ЦК КП(б)У перебував протягом 1925–1928 рр.

** Чубар Влас Якович (1891–1939) – голова Раднаркому УСРР (1923–1934), нарком фінансів СРСР (серпень 1937 р. – січень 1938 р.), водночас – заступник голови РНК СРСР (1923–1925, 1934–1938). Репресований у 1938 р., засуджений до розстрілу, розстріляний 26 лютого 1939 р. Реабілітований у 1955 р.

ри...”¹. Фактично ж Й. Сталін сприйняв слова О. Шумського як загрозу, звинуватив його у поширенні антиросійських настроїв в Україні, що стало командою для гострої критики наркома освіти та його діяльності.

Члени Політбюро ЦК КП(б)У, розглядаючи лист Й. Сталіна на пленумі ЦК КП(б)У в червні 1926 р. засудили позицію О. Шумського і в листі-відповіді зазначили, що “...наше розходження з тов. Шумським з питань залучення українських працівників полягає в тому, що тов. Шумський та його однодумці часто схильні розуміти під українськими працівниками лише українців за національністю, і то не всіх, а фактично – людей, що мають стаж перебування в націонал-соціалістичних партіях в минулому, та й то лише в тому випадку, якщо ці люди поділяють ті помилки тов. Шумського, з критикою яких у Вашому листі ми цілком згодні”². На цьому ж пленумі О. Шумський скликався покинути Україну, пояснюючи це тим, що “залишатися в Україні – це означає створювати складнощі, не потрібні для партійної організації”³. 2 лютого 1927 р. на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У на заяву О. Шумського його було звільнено від обов’язків наркома освіти та відкомандировано в розпорядження ЦК ВКП(б)⁴. Він переїхав до Ленінграда, де працював на керівній науково-викладацькій роботі, потім займав посаду заступника завідувача агітаційно-масовим відділом ЦК ВКП(б), був членом президії ВЦРПС і головою ЦК профспілки працівників освіти СРСР.

У травні 1933 р. О. Шумського заарештовують за звинуваченням у контрреволюційній діяльності у складі так званої “Української військової організації”. 5 вересня 1933 р. Колегія ОДПУ СРСР засудила О. Шумського до 10 років ув’язнення в таборах, проте 10 грудня 1935 р. Особлива нарада НКВС СРСР замінила ув’язнення адміністративним засланням до Красноярська⁵.

Перебуваючи на засланні, О. Шумський активно протестував проти несправедливого рішення щодо його долі. Він неодноразово вдавався до голодування, звертався до ЦК ВКП(б), НКВС, особисто до Й. Сталіна з вимогою своєї політичної реабілітації. В кінці 1935 р., зневірившись у можливість перегляду його справи, він оголосив голодування, яке тривало до 1 лютого 1936 р. У відповідь на такий відчайдушний крок ЦК ВКП(б) запропонував О. Шумському припинити голодування та розпочати збір матеріалів для його реабілітації⁶. Проте можливості це зробити на засланні, звичайно, не було.

15 жовтня 1937 р. на основі телеграфного розпорядження НКВС СРСР від 9 вересня 1937 р. О. Шумського знову заарештовано та, у зв’язку із тяжким станом здоров’я, переведено до Красноярської тюремної лікарні⁷. Однак постановою Управління НКВС СРСР від 22 листопада 1939 р. його звільнено з-під варті і, відповідно до вироку Колегії ОДПУ СРСР від 10 грудня 1935 р., залишено відбувати покарання у Красноярську до 5 вересня 1943 р.⁸

Під час Великої Вітчизняної війни О. Шумський не полишав надії на реабілітацію, писав листи з проханням надати йому можливість бути корисним для зруйнованої війною країни. В останні роки свого життя, навіть відбувши весь термін заслання, він через тяжку хворобу був приречений залишатися в Красноярському краї. Помер О. Шумський 18 вересня 1946 р. у потязі по дорозі в Україну.

11 вересня 1958 р. Військова колегія Верховного Суду СРСР скасувала постанову Колегії ОДПУ СРСР від 5 вересня 1933 р. та постанову Особливої наради НКВС СРСР від 10 грудня 1935 р. і справу О. Я. Шумського припинила за відсутністю складу злочину⁹.

Нижче подаються листи-протести Олександра Шумського, адресовані ЦК ВКП(б), НКВС, особисто Й. Сталіну, які, на жаль, в Україні зберігаються здебільшого в копіях. У ЦДАГО України оригінали та копії листів за довоєнний період знаходяться в архівно-слідчій справі О. Шумського. Повеєнні роки представлені фотокопіями листів, які у 1962 р. були надані Центральному партійному архіву ЦК КП(б)У Комітетом держбезпеки при Раді Міністрів УРСР і сформовані в особову справу О. Шумського.

¹ ЦДАГО України, ф. 1, оп. 20, спр. 2248, арк. 4.

² Там само, арк. 12.

³ Там само, ф. 1, оп. 1, спр. 205, арк. 360.

⁴ Там само, ф. 1, оп. 6, спр. 121, арк. 19.

⁵ Там само, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 2.

⁶ Там само, арк. 66, 76, 105, 121, 123.

⁷ Там само, арк. 123.

⁸ Там само, арк. 192–193.

⁹ Там само, т. 4, арк. 132–134.

Телеграма О. Шумського Й. Сталіну та Г. Ягоді* від 17 січня 1936 р.

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ
Копія: НАРКОМВНУДЕЛ тов. ЯГОДА

Два аргумента выдвигаются против моего поведения. Хотя я уже и отводил их, но они все же упорно поддерживаются. Это заставляет меня еще и в последний раз на них остановиться, так как они имеют принципиальное значение.

* Ягода Генріх Григорович (1891–1938) на посаді народного комісара внутрішніх справ СРСР перебував протягом 1934–1936 рр. У 1938 р. засуджений до смертної кари і розстріляний.

Первое. – “Вы на свободе и потому Ваша голодовка не имеет смысла”. Называть ссылку свободой можно лишь в порядке злой, издевательской, арестантской шутки. Свобода ссыльного – это свобода пса на цепи. Но для меня суть дела не в свободе, а в реабилитации – в снятии наклеенных мне клеветнических обвинений (принадлежность к УВО и прочее). Без снятия этих обвинений никакая свобода мне не нужна. И независимо от наложенной на меня меры взыскания (тюрьма, ссылка или порицание), я должен добиваться снятия этой клеветы всеми путями.

Второе. – “Вы считаете себя коммунистом, а объявляете голодовку. Ведь это выступление против партии. Партия против самоубийства, а голодовка – это самоубийство и т. п.”. Говорят, что я должен писать и просить о пересмотре. Да я писал и просил. Писал два с половиной года и терпеливо ждал. Но все мои письма шли как в прорубь и просьбы остались без ответа. А я коммунист – честный человек, изображен на основании гнусной клеветы в глазах общественного мнения жуликом, двурушником, изменником, предателем. Так что же мне оставалось делать. – Проявить толстовское непротивление злу или продолжать добиваться реабилитации любой ценой. Ясно, что второе. Но раз просьбы не действуют, то у меня оставалось лишь одно средство – моя жизнь. И я обязан был пустить его в ход. Ведь этими клеветническими обвинениями я отброшен в стан врагов коммунизма. Коммунисты считают меня врагом, а враги используют мое имя как орудие против коммунизма. Могу ли я терпеть такое положение. Ясно, что я обязан изъять свое имя из списка врагов коммунизма. Иначе я не имею права считать себя коммунистом. Я это и делаю. Я избрал путь голодовки и отстаиваю свою честь, свое имя коммуниста, отдавая свою кровь капля по капле, и отдам последнюю.

Теперь о разговорах, что моя голодовка есть контрреволюционная демонстрация против партии. Эту тему муссируют люди, стряпавшие мне обвинение или причастные к этому. Они напоминают плохого председателя сельсовета или накуролесившего чиновника, против которого поднимается общественная критика. Эта порода людей сейчас же кричит, что выступление против них – это выступление против партии и Советской власти, это демонстрация, контрреволюция и т. д. А на самом деле бывает как раз наоборот. Так и здесь. Мой протест направлен против ошибок или неправильных действий работников аппарата, вводящих в заблуждение руководящие органы. А эти работники кричат, что это демонстрация против партии. Я уже не раз писал, что я был и до последнего вздоха буду стоять за партию и за ее руководство. Досадно, конечно, что исправления ошибки аппарата приходится добиваться ценой жизни. Но что же будешь делать. К сожалению, кроме двух трех работников, ведших следствие по моему делу, никто ни разу со мной не поговорил.

Итак, первое. Раз я считаю себя коммунистом, оклеветанным и неправильно обвиненным, я обязан добиваться реабилитации даже ценой жизни.

Второе. Для меня сущность дела не в той или иной мере взыскания (тюрьма, или ссылка – это производное), а в приписанных мне обвинениях. Я добиваюсь их снятия.

Третье. Мой протест направлен не против партии и Советской власти, а против неправильных действий аппарата.

Я два с половиной года писал и просил, но безответно и безрезультатно. Дальше существовать с этими обвинениями я не мог. Чтобы добиться конца

этому существованию, я начал голодать. Ближайшее время принесет конец. Я не упадочник самоубийца и хочу жить и быть полезным партии. Но без Вашего, товарищ Сталин, участия у меня нет надежды на благополучный конец. Только Ваше прикосновения к моему вопросу спасет меня от окончательной гибели. Поэтому я прошу Вас, товарищ Сталин, вмешаться в мой вопрос и уделить ему минутку внимания.

17.I.36 г.

(–) ШУМСКИЙ

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 51–53. Засвідчена копія. Машинопис.

**Записка О. Шумського в ЦК ВКП(б),
датована початком лютого 1936 р.**

ЦК ВКП(б)

Несмотря на то, что в телеграмме ЦК содержится суровая оценка моего поведения, тем не менее я счастлив, что получил этот ответ. Он дает мне надежду сбросить с себя обвинения, в которых я не повинен.

Голодовку прекращаю и займусь опровержением выдвинутых против меня обвинений.

(Шумский)

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 67 та зв. Оригінал. Ручкопис.

**Записка О. Шумського Г. Ягоді та в ЦК ВКП(б)
від 20 лютого 1936 р.**

Тов. Павлов*! Прошу распоряжения об отправке этой телеграммы по назначению.

Шумский.

Москва

Наркомвнудел тов. Ягода

Копия ЦК ВКП(б)

Первого февраля я получил телеграмму ЦК ВКП(б), гласившую: “советуем немедленно прекратить голодовку и заняться собиранием материалов, реабилитирующих вас”. Голодовку я прекратил в тот же день и был уверен, что мне будет предоставлена фактическая возможность заняться делом своей реабилитации. Я считал, что буду отправлен [в] Москву, где получу квалифицированную медицинскую помощь и смогу встать на ноги, чтобы заняться своим делом. Об этом я просил уже двумя телеграммами. Но не получил ни-

* Начальник Красноярського крайового управління НКВС СРСР.

какого ответа. Чтобы устранить гнетущую неопределенность и внести ясность [в] свое положение, обращаюсь третий раз и прошу дать мне ответ.

20.П.36

(Шумский)

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 75. Оригінал. Рукопис.

**Лист О. Шумського Й. Сталіну
від 11 березня 1936 р.**

ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

В телеграмме ЦК мне дан совет заняться собиранием реабилитирующих меня материалов. Но все материалы в Москве, а я в Красноярске и в Москву меня не отправляют. На три телеграммы об этом в НКВД я не получил даже ответа. Таким образом, на деле я оказываюсь лишенным той возможности реабилитироваться, которая предоставлена мне телеграммой ЦК. Эту телеграмму ЦК я понимаю, как согласие ЦК рассмотреть мой вопрос, а это значит смыть наклеенные мне обвинения, так как я уверен, что они разлетятся, как и всякая ложь, как только будут подвергнуты человеческой критике; помимо того, что я имею сказать ЦК в свое оправдание. Отправку в Москву я считал само собой разумеющейся, так как мне должны быть сообщены материалы обвинения, чтобы я имел возможность их опровергнуть. Здесь же я не располагаю даже копиями моих писем в ЦК, в которых я опровергал обвинения, случайно становившиеся мне известными. Даже эти копии в Москве, так как они систематически у меня отбирались. Я уж не говорю о том, что я надеялся получить в Москве медицинскую помощь. Отсутствие ответа НКВД на мои телеграммы я рассматриваю как отказ отправить меня в Москву. А это значит фактически аннулировать, данную мне телеграммой ЦК, возможность к реабилитации, так как в моем положении здесь ни о каком собирании материалов не может быть и речи. Прошу указаний ЦК.

(–) ШУМСКИЙ

Р.С. Посылаю почтой этот дубликат телеграммы, отправленной через аппарат НКВД 11/3-36 г.

(–) ШУМСКИЙ

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 81. Засвідчена копія. Машинопис.

**Лист О. Шумського в ЦК ВКП(б) та Г. Ягоді
від 5 квітня 1936 р.**

ЦК ВКП(б)

Копия НКВД тов. ЯГОДА

ЦК дал мне совет заняться собиранием реабилитирующих меня материалов. На протяжении двух с лишним лет я написал ряд писем, в которых приводил доказательства своей невиновности и опровергал все те обвинения, которые так или иначе становились мне известными. Но у меня сложилось

впечатление, что мои письма остаются непрочтенными, так как, если бы их кто-нибудь прочитал, то вряд ли бы у него осталось сомнение в моей невинности. Те материалы обвинения, которые мне стали известными, опровергнуты мною фактами. Некоторые же из них являются до такой степени неумной ложью, что или сами себя опровергают, или опровергаются здоровым смыслом.

Но мне сказали, что мне сообщен не весь обвинительный материал, и что следствие располагает гораздо большим материалом, но что это – секрет следствия. Если такой материал действительно имеется и на нем зиждется обвинение меня в принадлежности к украинским националистам, то я прошу мне его сообщить, чтобы я имел возможность и его опровергнуть. Я также прошу, чтобы мне были возвращены отнятые у меня копии моих писем в ЦК, в которых я опровергал известные мне [факты]. Это нужно для того, чтобы я мог свести эти разрозненные материалы, дополнить их, подтвердить некоторые свои утверждения необходимыми документами и представить в ЦК.

А пока что, я хочу привести здесь некоторые объективные факты, которые говорят за мою непричастность к организациям украинских националистов и не могут не поставить под сомнение обвинение меня в этом в глазах даже самого предубежденного человека.

Первая группа фактов. Если я действительно принадлежал к какой либо организации украинских националистов (УВО или Национальный союз), ставящей себе целью свержение Советской власти на Украине, то для меня было бы естественным стремление вернуться на Украину, почаще ездить туда, держать связь с людьми и вообще, как говорится, держать палец на пульсе жизни Украины. Но, как известно ЦК, я не только не стремился вернуться на Украину, а наоборот – когда об этом был разговор, я отказался от возвращения на Украину. Больше того, – со времени откомандирования в ЦК ВКП(б) я ни разу в течении шести лет не был на Украине, хотя к этому не только не было никаких препятствий, но наоборот – были неоднократные приглашения; и ни с кем на Украине не состоял в переписке, и ни с кем на Украине не поддерживал связи ни прямо, ни посредственно. Обвинение пыталось при помощи МАКСИМОВИЧА* приписать мне связь с Украиной через ЯЛОВОГО** и еще кого-то. Я об этом уже писал в одном из своих писем в ЦК. Но на

* Максимович Карл Овксентович (1892–1936) – член ЦК КП(б)У, один із засновників Компартії Східної Галичини і КПЗУ. Стояв на позиціях українського націоналізму. У 1928 р. був переведений до Москви. У 1933 р. заарештований за звинуваченням в організації “УВО” та контрреволюційній діяльності (разом із О. Шумський, Р. Турянським та ін.), засуджений до 10 років позбавлення волі. Реабілітований у 1958 р.

** Яловий Михайло Омелянович (1895–1937) – український поет, прозаїк і драматург. Налігав до літературних організацій “Гарт” і ВАПЛІТЕ (її перший президент). У 1926 р. за національний ухил був виключений із ВАПЛІТЕ. У травні 1933 р. заарештований і засуджений на 10 років позбавлення волі за звинуваченням в участі в “УВО” та шпигунстві. 3 листопада 1937 р. розстріляний. Реабілітований у 1957 р.

проверку оказалось, что один был у меня раз в 1928 г., а другой в 1932 году. Поэтому, вряд ли кто-либо согласится усмотреть в этом организационную связь с Украиной.

Вторая группа фактов. Обычно люди, объединенные идейной и организационной общностью, состоят в постоянном и тесном общении между собой, тем более, если они живут в одном городе. Но со мной дело обстояло не так: у людей, к организации которых меня причислили, я никогда не бывал. Ни у МАКСИМОВИЧА, ни у ПОЛОЗА*, ни у ТУРЯНСКОГО**, ни у СОЛОДУБА*** ни разу не бывал. Это однако не значит, что я вообще ни к кому не ходил. Нет, я бывал у ряда своих товарищей и очень часто, также, как и они у меня. Но у этих людей я не бывал. Мне могут сказать, что я делал это из соображений конспирации. Но в таком случае я их и к себе не пускал бы. Однако ко мне они иногда приходили. Чаше заходил СОЛОДУБ и реже МАКСИМОВИЧ. Но не редко я месяцами не видел ни того, ни другого, живя почти рядом. Не бывал я у этих людей и не искал общения с ними просто потому, что не имел в этом потребности и интереса.

В связи с этим я хочу сказать несколько слов о показаниях ТУРЯНСКОГО на очной ставке. Я им не придавал значения, но помню, что они так искусно преподнесены в протоколе, что на первый взгляд могут показаться правдоподобными. Запечатлелись же эти показания у меня потому, что напоминают мне рассказ одного охотника, который прибежал в деревню и заявил, что видел стаю в сто волков. Когда слушатели в этом усомнились, охотник начал сбавлять количество волков до 50, потом до 10 и, наконец, что видел следы на снегу.

Воспроизведу вкратце эту очную ставку, как она у меня запечатлелась. На вопрос следователя, что он может рассказать о своей контрреволюционной

* Полоз Михайло Миколайович (справжнє прізвище – Полозов) (1891–1937) – український політичний діяч, один із керівників УКП(боротьбистів), член ЦК КП(б)У. З 1919 р. входив до складу Харківського уряду УСРР, очолював Вищу раду народного господарства, був головою Держплану УСРР (1923–1925), наркомом фінансів УСРР (1925–1930), заступником голови бюджетної комісії ЦВК СРСР (1930–1934). У 1933 р. заарештований, звинувачений у приналежності до “націоналістичної організації” і в 1934 р. засланий на Соловки. У листопаді 1937 р. розстріляний.

** Турянський Роман Володимирович (1894–1940) – член КП(б)У і КПЗУ; з 1926 р. – представник КПЗУ в польській секції Комінтерну. Разом із К. Максимовичем та ін. стояв на позиціях українського комунізму. У 1932 р. на виклик Комінтерну переїхав до Москви. У 1933 р. заарештований за звинуваченням в організації “УВО” та контрреволюційній діяльності (разом із О. Шумським, К. Максимовичем та ін.), засуджений до позбавлення волі у виправних трудових таборах на 5 років.

*** Солодуб Петро Кирилович (1893–1937) був керуючим справами РНК УСРР (1920–1923), очолював Укрдержстрах (з 1923 р.), був членом колегії Наркомату фінансів УСРР, Вищої технічної ради ВРНГ СРСР, Науково-технічного комітету машинобудування та військової промисловості, начальником сектору планування Наркомату важкої промисловості СРСР (1931–1933). У травні 1933 р. заарештований за звинуваченням в участі в “УВО” і засуджений до 10 років позбавлення волі. У жовтні 1937 р. розстріляний. Реабілітований у 1957 р.

деятельности, ТУРЯНСКИЙ бойко продекларировал, что он вместе с ШУМ-СКИМ и уже упомянутой выше компанией возглавлял и руководил контрреволюционной организацией, состоящей из укапистов, боротьбистов, кулаков, увовцев и прочих националистов, которая ставила своей целью свержение Советской власти на Украине и восстановление капитализма. На вопрос, в чем же выражалась деятельность этой организации, ТУРЯНСКИЙ отрапортовал, что мы часто собирались на квартирах у СОЛОДУБА и у ШУМСКОГО и обсуждали стоявшие вопросы. Я заявил, что, может быть, они и собирались у СОЛОДУБА, но меня он там видеть не мог, так как я у СОЛОДУБА не бывал. На помощь растерявшемуся и опустившему взгляд в пол рассказчику последил следователь, переспросим – так значит Вы собирались у ШУМСКОГО? – Да, да – последовал ответ. А у себя я видел Вас со всей этой компанией всего лишь один раз, когда приехал из-за границы, – заметил я. Рассказчик умолк и совсем потупил нос (Так страшная стая свелась к одному волку). Но следователь и здесь выручил его, изобразив это единственное посещение меня всей этой компанией в виде иллюстрации, как конкретный пример имевших место у меня собраний.

На самом же этом собрании мне приписан доклад о международном положении. Разумеется, я мог много рассказать и, наверно, рассказывал бы о своих заграничных впечатлениях. Но дело в том, что ввалившаяся ко мне почтенная компания была изрядно выпившая, и я предпочел заняться распаковкой и демонстрацией приобретенных мною рыболовных принадлежностей. Кстати, на этом криминальном “собрании”, которое эксплуатирует в своих показаниях и МАКСИМОВИЧ, присутствовала вся моя семья (дело было за вечерним чаем), т. е., кроме меня и жены, двенадцатилетний сын-школьник и старший девятнадцатилетний сын-студент Ленинградского университета. У детей память лучше и, наверно, у них это “собрание” запечатлелось подробнее.

Не сомневаюсь, что если бы их расспросить, то все свелось бы к “следам на снегу”.

Так создавалась инсинуация и наклеивались мне обвинения, добиваться снятия которых я обязан, поскольку я считаю себя коммунистом, и буду добиваться до конца.

Телеграмма ЦК явилась для меня огромной моральной поддержкой. Она дала мне перспективу и надежду быть еще полезным партии. К сожалению, органы НКВД лишают меня возможности выполнить совет, данный ЦК и фактически закрывают мне путь к реабилитации. Это вынуждает меня протестовать против этих действий НКВД.

5/IV-36 г.

(–) А. ШУМСКИЙ

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 108–109. Копія. Машинопис.

**Записка О. Шумського Г. Ягоді
від 1 червня 1936 р.**

Москва НКВД тов. Ягода

На три телеграммы в НКВД об отправке меня в Москву для собирания реабилитирующих меня материалов, я в течении двух месяцев не получал никакого ответа.

Если в ближайшие дни я не получу от НКВД ответа о том, будет ли мне предоставлена фактическая возможность воспользоваться данным мне телеграммой ЦК советом (то есть правом) собрать реабилитирующие меня материалы, я буду считать, что органы НКВД лишают меня предоставленной мне ЦК возможности к реабилитации, и вынужден буду возобновить протест против этих действий НКВД.

1.VI.36

(Шумский)

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 103. Оригінал. Рукопис.

**Записка О. Шумського М. Єжову* та Л. Кагановичу
від 13 лютого 1939 р.**

Наркому Внудел СССР тов. Ежову
Копия: Секретарю ЦК ВКП(б) т. Кагановичу

Шумского А. Я.

В просьбах о реабилитации не упоминал о своем здоровье и лечении. Но создалось такое положение, что дальше молчать нельзя.

Тюремная больница, в которой я лежу вот уже около полутора года, не располагает средствами, необходимыми для моего лечения.

Применение же даже тех средств, которые имеются в лечебных учреждениях Красноярска, мешает моя подследственность. С другой стороны – ведению следствия мешает болезнь.

Короче: следствие тормозится болезнью, а лечение следствием. Из этого прочного круга может меня вывести лишь Ваше вмешательство, пока по-своему не вывела болезнь.

Разумеется, мои желания и просьбы сводятся к предоставлению мне возможности эффективного лечения, которое поставило бы меня на ноги.

13.II.1939

(О. Шумский)

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 1, арк. 154. Оригінал. Рукопис.

* Єжов Микола Іванович (1895–1940) перебував на посаді наркома внутрішніх справ СРСР у 1936–1938 рр. На цей період припадає кампанія тотальних репресій в СРСР, що отримала назву “єжовщина”. У 1939 р. заарештований, 2 лютого 1940 р. розстріляний.

Лист О. Шумського Й. Сталіну, Л. Кагановичу та Л. Берії*
від 31 липня 1939 р.

ЦК ВКП(б) Тт. Сталину, Кагановичу
НКВД ССРСР Тов. Берія

Шумського А. Я.

Я вновь о себе напоминаю. И на этот раз уже с жалобой на органы НКВД. В самом деле. Если такие вещи, как то, что я, находясь в положении подсудимого заключенного, лишен нужного мне лечения и обречен на инвалидность и гниение; если эта же бесконечная подсудимость лишает меня всяких сведений о моей семье и родных; если все это можно отнести к области сантиментов и так называемая, реальная политика может пройти мимо всего этого, – то есть вещи, игнорировать которые никому права не дано, в том числе и органам НКВД. Я имею в виду закон.

Органы НКВД, очевидно, подозревают меня в намерениях нарушить закон** и поэтому арестовали меня и держат в предварительном заключении вот уже около двух лет, грубо нарушая этим закон. Ибо, насколько мне известно, нет такого закона, который дал бы право органам НКВД держать человека в заключении без следствия в течение двух лет. Моя болезнь ведению следствия не мешает. Я об этом заявлял неоднократно и устно, и письменно, – так как я лишь не могу ходить, но могу говорить и даже писать.

Подлинные причины этой волокиты и нежелания следственного аппарата браться за это следствие мне понятны. Ибо кому охота обвинять человека за “несодеянное”. Но в таком случае нельзя же и гноить меня в тюрьме.

Я прошу ЦК снять с меня клеймо клеветы и общественного позора и дать мне возможность остаток моих сил отдать делу партии, делу революции.

31.VII.39

(Шумский)

ЦДАГО України, ф. 263, оп. 1, спр. 55475, т. 5, арк. 25. Оригінал. Рукопис.

Лист О. Шумського Й. Сталіну
від 18 вересня 1945 р.

Лично

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ПРЕДСОВНАРКОМА ССРСР тов. СТАЛИНУ

Я протестую против расправы надо мной. Расправы без дневного света гласности, без предъявления мне каких-либо обвинений, без возможности защищаться. Сколько я не писал во все инстанции Просил Убеждал Доказывал И все тщетно. Почему?

* Берія Лаврентій Павлович (1899–1953) займав посаду народного комісара внутрішніх справ СРСР з 1938 р. по 1945 р. У 1953 р. заарештований, 23 грудня 1953 р. розстріляний.

** Підкреслено автором листа.

Один из приспешников Ягоды сказал мне уже в Красноярске: “Вам не отвечают, потому что Вы голодовкой занимаетесь. Это контрреволюция”. Черт возьми Да и голодовку то я ведь начал именно потому, что мне никто не отвечал на мои просьбы и заявления. Я ведь объявил голодовку после двух с лишним лет следственного издевательства и глумления надо мной, после бесчисленных и бесплодных просьб выслушать меня по-человечески, так как я ни в чем неповинен перед партией.

А что же мне было делать, когда обращения мои упирались в глухую непроницаемую стену “строгой тюремной изоляции”, которой окружала меня банда Ягоды–Балицкого*? Покориться судьбе?

Меня схватили и посадили в тюрьму. Я считал, что мне будет предъявлено какое-то обвинение. Но проходит год, другой; меня возят по тюрьмам Союза – из Ленинграда в Москву, из Москвы в Харьков, из Харькова в Киев, из Киева опять в Москву в поисках материала; происходит жульническая стряпня дурацкой чепухи, время идет, а никакого обвинительного акта мне не предъявляют. Да и предъявить его, разумеется, не могли. Он мог быть высосан лишь из грязных лап Балицко–Ягодинской шайки бандитов, а не из моей общественно-революционной деятельности. Что же мне было делать в таком положении?

Что мне было делать, когда наглость этой шайки, провоцировавшей меня на эксцессы, была так вызывающа, что у меня тогда уже не оставалось сомнений в том, что мои обращения в ЦК и к вождям партии не выходят из стен тюрьмы. А после того, как шайка Ягоды–Балицкого разоблачена и расстреляна, кто может сомневаться в ее черных, грязных делах?

Тогда у меня не было иного выхода, кроме протеста голодовкой, жизнью. Реабилитация или смерть Когда шайка ягодинских жуликов убедилась, что именно так стоит вопрос, эти коварные шантажисты в критический момент моей голодовки пошли на подлый трюк: они привезли ко мне жену.

Мог ли я отказать в просьбе жены, самого близкого и дорогого мне человека, прервать голодовку, чтобы дать ей срок съездить в Москву и добиться моей реабилитации? Она не только просила, она требовала, чтобы я не лишал ее возможности спасти жизнь невинно погибшего человека, ее мужа, отца ее ребенка.

Человек благородной души, глубокой честности и правдивости, она верила, что правда восторжествует, что она добьется моей реабилитации. Она верила, что правду в Москве выслушают, правде поверят и правда победит. За это она поплатилась жизнью. Коварные провокаторы! Они дважды привозили жену ко мне в Красноярск по своим командировочным удостоверениям и литерам, чтобы она сорвала мою голодовку, а потом бросили в тюрьму “за соучастие” как жену “государственного преступника”.

** Балицкий Всеволод Апполонович (1892-1937) – голова ДПУ УСРР (з вересня 1923 р.), водночас у 1926-1930 рр. обіймав посаду наркома внутрішніх справ УСРР. У 1931 р. переведений до Москви заступником голови ОДПУ СРСР. Від лютого 1933 р. – голова ДПУ УСРР, а з 1934 р. – нарком внутрішніх справ УСРР. З травня 1937 р. – начальник Управління НКВС по Далекосхідному краю. Репресований у 1937 р.

Она погибла в тюрьме. А мне, “государственному преступнику”, в декабре 1939 года, после шестилетнего следствия выдали справку, что дело мое “следствием прекращено за отсутствием состава преступления” и перевезли из тюрьмы в нервную больницу “на излечение”, где я лечусь и по сей час.

После гибели жены остался сын подросток. Он нуждался в моей поддержке. Это связало меня на время, пока он вырастет. Война застала его уже студентом и в первый день ее он ушел добровольно на фронт рядовым. А в конце 1942 года меня известили, что сын мой убит под Москвой в чине старшего лейтенанта гвардии.

С наступлением войны я тоже предложил свои услуги быть полезным, чем могу. Но и это мое обращение осталось без ответа.

А по окончании войны я вновь обратился с просьбой о реабилитации. Я написал во все инстанции и всем, кто к этому имеет отношение. Но тщетно. Никто мне не ответил.

Я протестую против этого бойкота моих просьб и обращений; против опорочения моего имени; против совершенного надо мной произвола; против келейности, в которой произведена надо мной расправа; против лишения меня возможности защищаться.

Я протестую против дискриминации по отношению ко мне. Если меня кто обвиняет в чем, так пусть делает это гласно, чтобы я мог защищаться. Я не боюсь никаких обвинений. При дневном свете гласности все они, вся грязная ягодинская стряпня разлетится, как дым по ветру. А раз нет никаких обвинений (а их не было и быть не могло), то я требую реабилитации публичной.

(–) Шумский

23/VIII-45 г.

Красноярск, горбольница

ШУМСКОМУ Александру Яковлевичу

Нет. Стену лбом не прошибешь

Надо кончать

18/IX-45 г. Шумский

ЦДАГО України, ф. 39, оп. 4, спр. 237, арк. 43–44. Фотокопія. Машинопис.

Представлены письма известного украинского советского политического деятеля, народного комиссара просвещения УССР, бывшего “боротбиста” Александра Яковлевича Шумского, написанные им в ссылке в течение 1936–1945 гг. Их оригиналы и копии хранятся в фондах ЦГАОО Украины и большинство из них публикуются впервые.

Ключевые слова: А. Шумский; письма; нарком просвещения; репрессированный; ссылка; оригиналы.

There are published the letters of Olexandr Yakovych Shums'kyi, known Ukrainian soviet political figure, public commissar of education of USSR, former “borot'byst”, written by him during the exile of 1936–1945. The letters originals and copies are stored in Central State Archives of Public Organizations of Ukraine, many of them are published for the first time.

Keywords: O. Shums'kyi; letters; public commissar of education; repressed; exile.